ЧЕРКЕССКІЙ ПЛѢННИКЪ.

На Абазинскомъ берегу Чернаго моря, на рѣчкѣ Гостогаѣ, стоялъ отрядъ нашъ, и при бивачномъ огнѣ сидѣли офицеры съ однимъ изъ заложниковъ, съ горскимъ князькомъ Убыхомъ. Въ бесѣдѣ сказалъ онъ: я вамъ раскажу быль про Русскаго матроса, Ивана, которая стоитъ того, чтобъ вы ее послушали.

Кажется въ 1832 году, — мнѣ было тогда лѣтъ 14, — въ Январѣ, поджидали мы молодецкую (то есть воровскую) Турецкую *кочерму* изъ Трапезонта. Кочерма это небольшое парусное суденышко, на которомъ подвозили намъ, когда удастся уйти отъ васъ, порохъ, оружіе, одежду; оно же привозитъ намъ расплату старыхъ долговъ и вѣсти отъ братьевъ, — мусульманъ.

Мы сидѣли на взморьѣ, зная урочный день, ждали — нѣтъ ни паруса и только свинки рѣзво играютъ вдоль береговъ, къ непогодѣ. Съ полудня вѣтеръ разыгрался такъ, что у насъ стало сердце щемить за

бѣдныхъ земляковъ, которыхъ чаяли въ морѣ. Къ вечеру мы вдругъ увидѣли по окраинѣ моря парусъ; всѣ съ крикомъ вскочили съ мѣстъ; судно быстро бѣжало прямо на–берегъ, но рыскало въ ту и другую сторону; вскорѣ мы, не вѣря своему счастію, узнали въ немъ Русскій транспортъ, который, разбитый и обломанный, мчался по вѣтру и волнамъ на берегъ. Его тутъ же выкинуло на косу и стало окачивать волной.

На добычу! Закричали наши, и бросились въ камыши, къ лодкамъ. Отецъ мой швырнулъ меня за–воротъ на лодку, сказавъ: Вотъ тебѣ, первоученка, промыселъ; иди да учись!

Самъ онъ сѣлъ на кормовое весло. Нѣсколько другихъ лодокъ, съ вооруженнымъ народомъ, спущены были за нами.

Зная, что имъ не ожидать пощады, Русскіе встрѣтили насъ залпомъ; но мудрено погибающему бороться еще съ непріятелемъ! Лодки наши, пуская градъ пуль, облѣпили судно, джигиты бросились

въ шашки и въ мигъ перерѣзали всѣхъ, кто не сдался, а нѣсколькихъ захватили живьемъ. Отецъ мой, не поспѣвъ по дряхлости за молодцами на судно, увидалъ вдругъ матроса въ водѣ, вплоть у нашей лодки. Отецъ мой обрадовался поживѣ этой и подалъ ему весло; матросъ ловко выхватилъ его изъ рукъ и, взмахнувъ имъ, ударилъ старика такъ сильно въ голову, что тотъ свалился съ ногъ. Но матросу некуда было дѣваться; онъ долго бился на мѣстѣ, покуда отецъ мой не втащилъ плѣнника, почти безъ памяти, въ лодку.

Всю ночь лодки наши занимались свозомъ на берегъ съ судна пороха, желѣза, мѣдныхъ вещей, харчей — всего, что можно было добыть. Со свѣтомъ пришелъ пароходъ, на помощь судну; забравъ что успѣли свезти, въ томъ числѣ и плѣнника своего, мы ушли съ бирега въ горы.

Этого плѣнника, по обычаю, мы назвали Иваномъ. Сперва, какъ у насъ всегда водится, житье ему было тяжкое и держали его строго; много было ему обидъ и

побоевъ, особенно отъ старухъ нашихъ; помаленьку мы привыкли къ нему, а онъ къ намъ; за безотвѣтное терпѣніе его, за то, что былъ работящій и смирный человѣкъ, отецъ сталъ держать его лучше и даже полюбилъ, хоть и не совсѣмъ вѣрилъ ему, пальца въ ротъ не клалъ.

Черезъ нѣсколько времени отецъ мой самъ пустился вмѣстѣ со старымъ Трапезонтскимъ плавателемъ въ торговлю съ Турками; повезъ туда отъ насъ дѣвокъ, которыхъ Турки покупаютъ себѣ въ жены, на товаръ и на деньги.

Обласкавъ Ивана, отецъ мой поставилъ его кормчимъ на свою кочерму, вѣря умѣнью его править въ морѣ; сходили они туда благополучно и уже летѣли подъ парусомъ и при попутномъ вѣтрѣ домой. Зыбь ходила горами. Я былъ съ ними; помню, что насъ сильно бросало и качало. Иванъ стоялъ на рулѣ и напѣвалъ свои пѣсни; мы дремали; долго смотрѣлъ онъ все въ одно мѣсто и сказалъ: судно идетъ.

Отецъ мой вскочилъ; слово это испугало его; всѣ засуетились. Какое судно? Не

Русское ли? Насъ всего на кочермѣ было семь человѣкъ, одно ядро могло затопить всѣхъ. Кажется, сказалъ отецъ, глядя тревожно то на судно, то на Ивана — кажется насъ увидѣли — какъ будто на насъ держатъ! — Ты спалъ, отвѣчалъ Иванъ спокойно, такъ и проспалъ; съ полчаса уже какъ оно идетъ за нами въ погоню. Чтожъ, спросилъ отецъ, неужто намъ плохо — неужто оно догонитъ насъ? — Догонитъ, отвѣчалъ Иванъ не смущаясь.

А во сколько времени добѣжимъ до своей бухты?

Въ полчаса чай добѣжать можно; близко.

А судно, Иванъ, оно во сколько времени насъ догонитъ?

Скоро, сказалъ Иванъ, не глядя на него.

Что, скоро? А какъ скоро? во сколько времени?

Да прежде получаса догонитъ.

Лжешь, собака!

А можетъ–статься я и солгалъ, потому что оно въ четверть часа на насъ насядетъ.

Старикъ вскочилъ съ мѣста и люто ухватился за весло; всѣ мы сдѣлали тоже и

принялись гресть во все плечо. Но судно все подходило ближе; мы ясно распознавали пушки и столпившихся на носу людей. Иванъ, поглядѣвъ хорошенько, сказалъ: Хозяинъ, а узналъ ли ты судно это? Всѣ мы стали осматриваться и узнали, что это былъ тотъ же самый транспортъ, который мы разграбили, вырѣзавъ команду, и съ котораго былъ нашъ Иванъ. Иванъ, закричалъ отецъ мой, бросивъ весло и уставивъ дуло винтовки своей на грудь плѣнника, — если ты хоть на–волосъ чѣмъ сфальшишь, если только чуть что замѣчу — убью на повалъ, и выкину какъ пса!

Пожалуй убей, отвѣчалъ тотъ. Не находка мнѣ житье у васъ; да чѣмъ и какъ я тебя укрою отъ Русской картечи? Вотъ она чай скоро брызнетъ. Становись самъ на руль, а мнѣ дай весло — да и дѣлай что знаешь.

Держи прямо на отмели! закричалъ отецъ; ты знаешь выходы между каменьевъ; держи туда!

Держу, сказалъ Иванъ, круто спускаясь по вѣтру, на бурунъ; но картечь и туда достанетъ.

Вслѣдъ за тѣмъ дымъ всклубился подъ носомъ судна и ядро, прошипѣвъ надъ нами, упало не далеко впереди, — и пошло прыжками бороздить море. Мы гребли во всѣ лопатки, а съ транспорта скинули уже гребныя суда въ погоню. Онѣ вскорѣ стали нагонять насъ и обсыпали картечью; но разгульная зыбь мѣшала вѣрному прицѣлу. Мы думали что уже вовсе ушли; мы ужъ приставали къ берегу, какъ продольный по насъ выстрѣлъ вышибъ руль и убилъ на повалъ трехъ человѣкъ, въ томъ числѣ старшаго брата моего, Неифтали. Отецъ мой взревѣлъ, такъ сердце въ немъ закипѣло отъ жалости и злобы, и поклялся отмстить за смерть любимаго сына.

Земляки наши, выбѣжавшіе берегомъ навстрѣчу, кинулись въ бурунъ, подхватили и вытащили на себѣ кочерму. Транспортъ, пославъ нѣсколько ядеръ за нами, отозвалъ шлюпки свои, и вошедши въ бухту

ближайшаго Русскаго укрѣпленія, сталъ тамъ на якорь.

Въ полночь отецъ меня разбудилъ. Вставай, смерть брата твоего проситъ Русской крови. Кровь за кровь, сказалъ пророкъ нашъ, благословенныя памяти. Я старъ, руки мои дрожатъ — но на это меня станетъ; я все придумалъ и уладилъ. Идемъ.

Мы вынесли на берегъ огромный ящикъ съ порохомъ, на которомъ придѣланъ былъ фонарь. Лодка была готова, въ ней четыре горца и нашъ Иванъ. Поставивъ въ нее ящикъ, мы подняли паруса. Ночь была очень темна и мы вскорѣ подошли довольно близко къ Русскому транспорту, съ–навѣтру.

Иванъ, сказалъ отецъ мой, братья твои отняли у меня сына — отняли полвѣка и полсчастья. Я бы могъ зарѣзать за это тебя, но я лучше придумалъ; ты, самъ же ты отмстишь имъ за моего сына. Знаешь ли что я придумалъ?

Нѣтъ не знаю, сказалъ Иванъ спокойно.

Гляди, сказалъ старикъ шопотомъ, въ этомъ ящикѣ четырнадцать пудовъ пороху — вашего Русскаго пороху, съ этогожъ судна; на немъ фонарь, въ фонарѣ фитиль, который проходитъ насквозь. Ночь темна и непогодлива; мы еще немного подойдемъ къ судну, и я тебя заставлю зажечь фитиль этотъ и пустить ящикъ по водѣ; его тотчасъ прибьетъ къ судну. Готовься!

Всѣ мы зазѣвались при этой бесѣдѣ, какъ вдругъ свѣжій ударъ вѣтра сильно накренилъ лодку; въ тревогу эту нашъ Иванъ кинулся, какъ будто къ парусамъ, и никто не успѣлъ оглянуться въ потьмахъ, какъ топоръ глухо застучалъ въ рукахъ его и онъ только закричалъ:

Да здравствуютъ мои отцы командиры и братья мои!

Въ одинъ мигъ всадили въ него четыре кинжала — но уже было поздно; лодка была прорублена, вся наполнилась водой и тонула. На крикъ этотъ подоспѣла шлюпка отъ транспорта и спасла меня одного; отецъ

же мой и четыре товарища его потонули молча: ихъ голосу никто не слыхалъ....

Офицеры стали спрашивать князька Убыха, какъ называли транспортъ этотъ, какъ звали Ивана? — Но онъ отвѣчалъ что не знаетъ. Помню только, что на плечахъ у Ивана, сказалъ онъ, т. е. на погонахъ, была ваша Русская тамга, вотъ такая: и вычертилъ кинжаломъ 35.